
Экономическое состояние Московского государства в первые годы царствования Михаила Фёдоровича (по материалам приказа Владимирской четверти)

Дмитрий Лисейцев

Economic situation of the Muscovite State in the early years of the reign of Mikhail Fedorovich (based on materials of *Vladimirskaya Chet' Prikaz*)

*Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
and National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

Одним из дискутируемых в российской исторической науке остаётся вопрос о времени завершения тяжёлого политического и социально-экономического кризиса начала XVII в. — Смуты. Официальная пропаганда правительства Михаила Фёдоровича Романова приложила немало усилий, чтобы утвердить точку зрения о прекращении внутренних раздоров с воцарением нового государя: «А которая была в Росийском государстве до него, государя, смута, и рознь, и в людех скорбь, того в радости забыл, кабы ничего не бывало»¹. Старания публицистов романовского круга дали плоды: в трудах российских учёных надолго утвердилось правило «ставить точку в Смуте» в момент избрания на престол Михаила Фёдоровича. События первых лет его царствования в лучшем случае рассматривались как своего рода «эпилог Смутного времени», а повествование о них, как правило, велось «в режиме скороговорки».

Тот же упрощённый взгляд с выраженным оттенком «наивного монархизма», а порой и откровенного мифотворчества бытует и в трудах ряда современных авторов. Мне приходилось уже озвучивать своё мнение относительно хронологических границ Смутного времени и, в частности, обосновывать тезис о том, что оно длилось до 1618–1619 гг.² Свою точку зрения я обосновывал преимущественно указанием на факты продолжавшегося социального противостояния и острой политической борьбы в России первых лет царствования Михаила Фёдоровича. Смута, однако, не может быть сведена к одному лишь социально-политическому конфликту: это было также и время глубочайшего экономического кризиса. Поэтому для решения вопроса о том, ушла ли Смута в прошлое с воцарением Михаила Романова, необходимо проанализировать не только политическую, но и экономическую ситуацию в стране.

К сожалению, экономическая история Смутного времени к настоящему времени не написана, главным образом по причине низкой сохранности документов.

© 2017 г. Д.В. Лисейцев

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

¹ РГАДА, ф. 32, оп. 1, д. 1 (1613 г.), л. 52.

² *Лисейцев Д.В.* Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сборник Русского исторического общества. Т. 8(156). М., 2003. С. 318–328; *Лисейцев Д.В.* О времени завершения Смуты в Московском государстве // Вестник Тверского государственного университета. 2011. Сер. История. № 11. С. 35–44; *Лисейцев Д.В.* Временные границы Смуты // Российская история. 2012. № 5. С. 43–54.

В исследованиях, как правило, воспроизводится в разных вариациях тезис о том, что Смута сопровождалась разорением страны, сожжением городов, разграблением деревень, запустением пашен, и её экономические последствия ещё долго напоминали о себе. Это утверждение логично, интуитивно понятно и потому, на первый взгляд, не нуждается в научном обосновании. Лишь в ряде трудов предпринята попытка оценить масштабы экономического кризиса, вызванного гражданской войной начала XVII в., но в них основное место отведено рассмотрению вопроса о сборе экстраординарных налогов (пятинных и запросных денег) в начале царствования Михаила Фёдоровича³. При всей важности этого сюжета его раскрытие не позволяет составить детального представления об экономике страны в Смутное время. Большое значение для её изучения имеют подготовленные к публикации С.Б. Веселовским приходо-расходные книги московских приказов⁴. Однако они дают сведения о состоянии различных территорий в разные годы и не позволяют проследить динамику протекавших в экономической жизни Московского государства процессов. Данные о денежных сборах с того или иного города чаще всего сами по себе не позволяют понять масштабов разорения (или, напротив, экономического возрождения) региона. К некоторым выводам приводит лишь сопоставление сведений приходо-расходных книг Новгородской четверти за 1614/15 и 1619/20 гг.⁵ Найденные в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) документы, до сей поры не введённые в научный оборот, дают возможность оценить, как изменялась экономика городов и уездов, подведомственных одному из приказов Московского государства – Владимирской четверти, за промежуток времени с 1613 по 1617 г.

Четвертные приказы прошли во второй половине XVI в. сложную административную и территориальную эволюцию. Как система самостоятельных государственных органов для взимания податей с населения определённых территорий они окончательно оформились только в первые годы XVII в., накануне Смуты. Возникновение Владимирской четверти (сначала называвшейся по имени своего первого руководителя четью дьяка Богдана Власьева) датируется 1599–1600 гг.⁶ К началу царствования Михаила Фёдоровича она в финансовом отношении ведала 28 городами Московского царства. В Восточном Замосковье она контролировала денежные поступления из городов Владимира, Луха. Основной массив территорий, подведомственных приказу, лежал по берегу р. Оки и к югу от неё. Владимирская четь контролировала финансы практически всей Рязанщины: Переславля-Рязанского, Зарайска, Михайлова, Пронска, Рязска, Сапожка, Донкова, Печерников. В неё шли доходы и из крупных сёл на Оке – Старой Рязани, Перевицка, Ростиславля. В ведении четверти, кроме того, находились Таруса, Боровск, Калуга, Тула и расположенные к югу от них

³ *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908; *Лихачёв Н.П.* Новые данные о Земском собрании 1616 г. // *Русский исторический журнал.* Кн. 8. Пг., 1922. С. 60–85; *Воскобойникова Н.П.* К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // *История СССР.* 1986. № 3. С. 156–161.

⁴ *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ).* Т. XXVIII. Приходо-расходные книги московских приказов. Кн. 1. М., 1912; Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. (далее – ПРК). М., 1983.

⁵ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 117–274; ПРК. С. 7–141.

⁶ *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // *Исторические записки.* Т. 116. М., 1988. С. 187–227; *Павлов А.П.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI – начале XVII века // *Архив русской истории.* 1993. № 3. С. 217–227; *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 220–221.

Воротынский, Крапивна, Болхов и Орёл. Ещё дальше, у юго-западного рубежа, Владимирская четвь ведала города Путивль, Чернигов и Рыльск. В 100 верстах к западу от Москвы Владимирской четверти были подведомственны Волок Ламский и Верея. Приказ получал деньги и с городов, лежащих много западнее: Твери, Торжка, Дорогобужа, и приграничных Невеля и Ржевы Пустой.

При реконструкции экономической ситуации в подчинённых Владимирской четверти городах мы можем использовать данные опубликованной в 1912 г. её приходо-расходной книги за 1613/14 г.⁷ В фонде 396 («Архив Оружейной палаты») РГАДА хранится ценный документ, составленный в начале 1614 г. и содержащий информацию о состоянии 14 подведомственных Владимирской четверти уездов (Болховского, Воротынского, Донковского, Зарайского, Калужского, Михайловского, Невельского, Орловского, Переславль-Рязанского, Пронского, Пусторжевского, Путивльского, Рязского и Черниговского). Дополнительную ценность источнику придают включённые в него сведения о размерах денежных поступлений с перечисленных уездов «до литовского разорения»⁸.

Другой важный документ, подводящий для Владимирской чети финансовый итог первому полному году царствования Михаила Фёдоровича, — смета 1613/14 г. (в описи фонда 396 РГАДА дело озаглавлено «О сборе в разных городах таможенных и кабацких, и оброчных четвертных денег»)⁹. В смете утрачена начальная часть, во многом дублируются уже известные по опубликованной приходо-расходной книге 1613/14 г. данные, но обнаруживаются новые сведения, в том числе итоговая калькуляция прихода и расхода денежных средств в приказе. Аналогичная смета Владимирской четверти за 1616/17 г. обнаруживается в деле «О собираемых в казну разных таможенных, кабацких и об отдаче на откуп бань, мельниц и проч. денег». Сохранность этого документа тоже не полная: утрачена начальная часть со сведениями о сборах с Владимира, Калуги, Луха и Тарусы, но информация по остальным городам и уездам и итоговая калькуляция доходов и расходов за год сохранились в полном объёме¹⁰. В сочетании с другими материалами перечисленные источники предоставляют достаточный объём информации для анализа экономического состояния значительной части Московского государства.

Во Владимире, как и в подавляющем большинстве городов Московского государства того времени, основным источником казённой прибыли был кабак¹¹. Прибыльность его для казны в первые годы царствования Михаи-

⁷РИБ. Т. XXVIII. Стб. 1—116.

⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1—19. В архивной описи дело озаглавлено: «Выписка, сколько собиралось до литовского разорения в государеву казну разных откупных кабацких и др. сборов». Датировать время составления документа помогают два обстоятельства. В нём упоминается о кабацких деньгах из Воротынска за 1612/13 г. (л. 1), доставленных в Москву 30 января 1614 г. (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 79). В то же время в документе не упоминается о сожжении «литовскими людьми» Орла в Великий пост 1614 г., т. е. 14 марта — 23 апреля (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 25). Таким образом, появление «Выписки» можно условно датировать промежутком времени между началом февраля и концом апреля 1614 г.

⁹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37890, л. 1—70.

¹⁰Там же, д. 38948, л. 1—119.

¹¹Кабацкие сборы приносили казне Московского государства наибольшую прибыль и в мирные годы. В начале XVII в., когда торгово-экономические связи были нарушены гражданской войной, питейные сборы стали безусловно доминирующим, а местами и единственным источником казённых доходов. Учитывая стремление правительства получать от кабаков максимальную прибыль (путём передачи их «на откуп» или «на веру»), можно утверждать, что размеры таких сборов отображали экономическое состояние региона и платёжеспособность местного населения.

ла Фёдоровича росла: в 1613/14 г. посадские люди откупили кабака за 500 руб., в 1614/15 и 1615/16 гг. он обходился посадку в 720 руб. 50 коп. в год, а в 1616/17 г. за него пришлось заплатить в казну 731 руб.¹² Помимо питейных пошлин из Владимира приходили так называемые четвертные доходы. Их «старый оклад» (ранее 1606/07 г.) составлял 69 руб. 68 коп. 0.5 деньга. К 1613/14 г. эта часть прихода сократилась до 21 руб. 30 коп. Вместе с кабацкими общий сбор денег во Владимире достиг 569 руб. 40 коп.¹³ В дальнейшем во Владимирском уезде наблюдался некоторый экономический подъём — четвертные доходы к 1616/17 г. поднялись до 43 руб. 35 коп.¹⁴ С доходами от кабака город передал в 1616/17 г. в распоряжение Владимирской четверти 763 руб. 85 коп., что на четверть превышало поступления 1613/14 г. Вскоре по завершении Смуты, в 1620/21 г., кабака откупили за 1 345 руб. 50 коп., в 1621/22 г. — за 1 571 руб. 75 коп. (вдвое дороже, чем в 1616/17 г.)¹⁵. Владимир, таким образом, уже в последние годы Смуты демонстрировал тенденцию к экономическому возрождению, чему в немалой степени способствовала его удалённость от основных мест военных действий.

Та же картина, хоть и более слабо выраженная, просматривается в Лухе: в 1613/14 г. откуп кабака и мельницы стоил 202 руб. 58 коп. 1 деньга, в 1614/15 г. — 210 руб., в 1615/16 г. — 218 руб. 33 коп. 1 деньга, в 1616/17 г. — 230 руб.¹⁶ Надо полагать, в Лухе была достигнута «верхняя планка» финансовых возможностей: по завершении Смуты, в 1619/20 г., целовальники собрали за год только 188 р. 93 коп., а на следующий год кабака отдали в эксплуатацию за 200 руб. 54 коп., т. е. примерно за ту же сумму, что и в 1613/14 г. Мельницу в те годы отдавали в откуп за 18 руб. 73 коп. и 23 руб. 75 коп.¹⁷ Кроме питейных пошлин из Луха во Владимирскую четверть доставляли относительно небольшие четвертные и оброчные доходы, в отличие от кабацких сборов снижавшиеся. В 1612/13 г. их оклад составлял 63 руб. 72 коп., а в 1613/14 г. по результатам нового дозора их причиталось взять втрое меньше — 20 руб. 80 коп. (на том же уровне они оставались и в 1616/17 г.)¹⁸. Таким образом, поступавшие из города Луха во Владимирскую четверть деньги в начале царствования Михаила Фёдоровича выросли с 220 до 250 руб.¹⁹, причём исключительно за счёт повышения цены кабацкого откупа. В далёком от театра боевых действий Лухе на исходе Смуты достигли своеобразного «экономического дна», на уровне которого и обозначилась длившаяся не менее десятилетия стагнация.

Иная ситуация наблюдалась в Твери и Тверском уезде, продолжавших испытывать на себе тяжесть продолжающейся войны. К сожалению, у нас нет

---

¹²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 3; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) (далее — ДПП). М., 1994. С. 156; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 200, 204.

¹³РИБ. Т. XXVIII. Стб. 1–4.

¹⁴РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 195.

¹⁵Там же, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 570 об.

¹⁶РИБ. Т. XXVIII. Стб. 6–7; ДПП. С. 139; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38939, л. 57; д. 38940, л. 252. Нельзя, впрочем, сказать, что ситуация в уезде была спокойной и благополучной. В 1614/15 г., например, казна недосчиталась половины откупных денег с луховского кабака: собранные деньги были отобраны у откупщика разбойничавшим в тех краях отрядом атамана З. Заруцкого, а самого откупщика убили (РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38011, л. 99–101).

¹⁷РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 508 об.

¹⁸РИБ. Т. XXVIII. Стб. 4–5; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38939, л. 59–60.

¹⁹Таможенные пошлыны, собиравшиеся в Лухе, в приходе-расходных документах Владимирской четверти не упоминаются; надо полагать, они попадали не во Владимирскую четвь, а в приказ Большого прихода. По завершении Смуты, в 1619/20 г., таможня Луха принесла казне 79 руб. 80 коп., а в 1620/21 г. отдана в откуп за 100 руб. (РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 501–501 об.).

данных о том, какие суммы шли в казну с Твери до начала Смуты. Наиболее ранние сведения, на которые можно опереться, относятся к 1611/12 г. и имеют неполный характер. В тот год прибыль тверского кабака составила 1 052 руб. 84 коп. В следующем 1612/13 г. все поступления с Твери и Тверского уезда достигли суммы 1 936 р. 24 коп. 1.5 деньга. В 1613/14 г. доходы сократились, но, на первый взгляд, не катастрофически — до 1 850 руб. 48 коп. 0.5 деньга²⁰. Согласно приходу-расходной книге 1613/14 г., денежные сборы в Твери примерно соответствовали окладу предыдущего года. При этом во Владимирской четверти констатировали, что Тверской уезд пребывает в тяжёлом состоянии (главным образом, из-за мародёрских действий русских казаков)²¹. Плачевное состояние уезда, если оперировать только итоговыми цифрами, не так заметно. Стоит, однако, обратить внимание на структуру взимаемых в Твери сумм: в 1612/13 г. в городе собрали 945 руб. 89 коп. 0.5 деньга таможенных пошлин и 741 руб. 75 коп. кабацких денег. В 1613/14 г. картина оказалась принципиально иной: таможенные сборы сократились на треть и составили только 616 руб. 14 коп. 0.5 деньга. Зато прибыль от торговли алкоголем выросла более чем в полтора раза, достигнув 1 148 руб. 79 коп. 1.5 деньга²². Такой скачок последней объясняется присутствием в Твери крупного войска, следовавшего под командой боярина кн. Д.Т. Трубецкого на Новгород Великий. В последующие годы, когда в отсутствие большого количества «питухов» кабак уже не мог приносить прежней прибыли, ситуация стала намного тяжелее: в 1615/16 г. тверская таможня пополнила государеву казну лишь на 285 руб. 92 коп. 1.5 деньга. Кабак в тот год также не мог похвастаться высокой доходностью: средств от реализации алкоголя собрали почти вдвое меньше, чем в 1613/14 г. — 632 руб. 95 коп. 1 деньга. Всего же за 1615/16 г. поступления с Твери и уезда достигли 995 руб. 4 коп. 0.5 деньга. Картина стала ещё более плачевной в 1616/17 г., когда таможенных денег удалось собрать только 172 руб. 42 коп. 1.5 деньга, а кабак дал казне вдвое меньше, чем в 1615/16 г., — 314 руб. 53 коп. 1 деньгу. Суммарный сбор в Твери достиг лишь 538 руб. 45 коп. 1 деньга²³.

Ситуация в Торжке выглядела не менее плачевно. До начала Смуты в городе и уезде, согласно присланной из Торжка воеводской отписке, кабак приносил в казну по 1 200 руб. в год, а таможня — 700 руб.²⁴ В 1611/12—1612/13 гг. там собирали лишь по 463 руб. 30 коп., из них 450 руб. приходилось на долю питейных и таможенных денег. 1613/14 г., кажется, принёс с собой заметный экономический подъём: только за первые полгода кабак дал казне почти 630 руб. дохода, а таможенные пошлины достигли 88 руб. С марта 1614 г. кабацкий и таможенный дворы отдали за 450 руб. в откуп жителям Торжка «для их разоренья», т. е. до конца года в казну прислали половину оговорённой суммы — 225 руб. Всего в Торжке за год собрали 955 руб. 89 коп. 1.5 деньга. Однако природа этого

²⁰РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37574, л. 5 об.; д. 37890, л. 17.

²¹«На перевозки торговые люди ни с какими товарами за воинскими людьми и за казаки ни откуды не ездят, а Тверской уезд весь пуст»; «уездные люди во всем Тверском уезде ходили войною и дворян, и детей боярских, и их людей и крестьян до смерти побивали, жгли и мучили»; «те откупные деньги на нынешней на 122-й год не взяты, потому что в селе в Кушалине стоят без выезда казаки»; «те деньги не взяты, потому что в селе Сухарине все лето стояли казаки» (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 38—40, 42).

²²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 42, 44.

²³РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38498, л. 36—39.

²⁴Там же, д. 37574, л. 28.

«экономического чуда» та же, что и в Твери: Торжок на протяжении некоторого времени был базой войска кн. Д.Т. Трубецкого во время новгородского похода. В отсутствие ратных людей экономическая ситуация в Торжке ухудшилась: в 1616/17 г. там собрали только 401 руб. 9 коп. 1 деньгу²⁵.

В Калуге, одном из наиболее крупных и богатых городов, подведомственных Владимирской четверти, в 1601/02 г. годовой оклад составлял 1 788 руб. 12 коп., из которых 873 руб. 23 коп. давал кабак²⁶. В 1612/13 г. поступления из Калуги оказались меньше — 1 353 руб. 4 коп. 0.5 деньга (почти 2/3 из них — питейные пошлины). В 1613/14 г. в Калуге собрали заметно больше, даже несколько превзойдя уровень 1601/02 г. и достигнув суммы 1 826 руб. 87 коп. 1 деньга²⁷. К 1616/17 г. только калужский кабак приносил казне 1 087 руб. 67 коп. 0.5 деньга откупных денег²⁸. На первый взгляд, Калуга в начале царствования Михаила Фёдоровича являла собой пример экономического подъёма. Однако по сравнению с 1601/02 г. сошный оклад в 1612/13—1613/14 г. был в 11 раз меньше (52 коп. 1 деньга)²⁹, что свидетельствует о серьёзном разорении уезда.

Заметно хуже обстояли дела в Туле. Согласно приходо-расходной книге Владимирской четверти, в 1613/14 г. поступления в казну из этого города составили 496 руб. 47 коп. 1 деньгу. $\frac{2}{3}$ всех доходов принёс кабак, отданный в откуп за 320 руб. 66 коп.³⁰ В последующие годы его прибыльность оставалась примерно той же: в 1616/17 г. — 299 руб. 54 коп., в 1617/18 г. — 331 руб. 5 коп. Общая сумма сборов с Тулы при этом снизилась примерно на $\frac{1}{6}$, упав в 1616/17 г. до 414 руб. 52 коп.³¹

Расположенный в 80 км к северу от Калуги Боровск принёс казне в 1612/13 г. 108 руб. 82 коп. 1 деньгу (100 руб. дал кабак). В 1613/14 г. в Боровске собрали 114 руб. 97 коп. 1 деньгу — небольшой прирост объясняется увеличением стоимости кабацкого откупа, тогда как остальные, и без того невеликие, доходы сократились на 1 руб. 45 коп.³² Ситуация оставалась той же и позднее: в 1616/17 г. поступления в казну от Боровска достигли 137 руб. 25 коп., но почти все эти деньги давала реализация вина. Помимо питейных сборов в городе взяли в том году всего 1 руб. 75 коп. — в пять раз меньше, чем в 1612/13 г.³³ Расположенная недалеко от Калуги Таруса по окладу 1609/10 г. собирала 34 руб. 92 коп. четвертных доходов³⁴. За несколько лет ситуация стала намного хуже: согласно проведённому в городе в 1613/14 г. сыску, «торуской посад от крымских, и от ногайских и от литовских людей войны и от русских людей разорен и вызжен,

²⁵Там же, д. 38948, л. 42—44.

²⁶РИБ. Т. XXVIII. Стб. 7—8; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 4.

²⁷РИБ. Т. XXVIII. Стб. 8—13.

²⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 253 об.

²⁹РИБ. Т. XXVIII. Стб. 8, 11.

³⁰Там же. Стб. 28—34; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37890, л. 5.

³¹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 24—26.

³²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 16—17.

³³РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 1—2.

³⁴К сожалению, мы не знаем, какую сумму вносил тогда в казну тарусский кабак. По-видимому, много выручить с него было нельзя: в 1611/12 г. его отдали в откуп за 10 руб. 50 коп., в 1613/14 г. — за 8 руб. 40 коп. (причём во Владимирской чети указали, что эту новую цену установили уже с «наддачей», т. е. в 1612/13 г. она была ещё меньше). В том же году кабак перекупили тарусские посадские люди, дав за него 9 руб. 18 коп. 1.5 деньга, а в 1615/16 г. ещё меньше — 8 руб. 35 коп. 1.5 деньга (Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4 (далее — Акты подмосковных ополчений). № 10. С. 14—15; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 15; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 1—2, 107; д. 38948, л. 93).

и посацкие люди поиманы в полон, а иные посечены, а иные розбрелись в разные города, и государевых четвертных доходов платить им не мочно»³⁵.

Более сильным по экономическому потенциалу по сравнению с Калугой был Переславль-Рязанский: «до тотарского и до литовского разоренья», согласно сметному списку 1604/05 г., с него собрали 2 053 руб. 7 коп. (во Владимирской четверти располагали сведениями и о более высоких прибылях с города: на 1613/14 г. с него назначили собрать «по старому окладу» 2 174 руб. 90 коп.). Однако события Смутного времени оставили след и здесь: в 1611/12 г. рязанские воеводы информировали руководство I Ополчения о невозможности выплатить служилым людям жалованье из местных средств: «перед прежними годы таможенных денег збираетца мало, что из городов с торгом приезде нет, и на кабаках питухов нет же, потому что ратных людей в Переславле нет, пити некому, а в уезде иными кабаками завладели казаки».

Впрочем, на фоне разорения других городов Московского государства ситуацию в Переславле-Рязанском можно признать относительно благополучной: за 1612/13 г. с города и уезда собрали 1 900 руб. 51 коп. 1.5 деньги³⁶, т. е. на 13% меньше «старого оклада». В следующем году положение заметно ухудшилось: по отзыву рязанских властей, «в Переславль деи торговые люди с товаром приезжают мало, и таможенные пошлины взяти не с ково, а на кабаках пьют мало ж, ратных людей в Переславле нет». В 1613/14 г. сборы с Переславля-Рязанского составили 1085 руб. 33 коп. 1.5 деньги³⁷. К 1616/17 г. поступления с города и уезда увеличились — по окладу предыдущего года их предстояло собрать на сумму 1 464 руб. 18 коп. Однако за вычетом недоимки и того, что «убыло для пустоты», реально собрали лишь 1267 руб. 5 коп.

Если крупные и хорошо укрепленные города окского рубежа (Калуга, Тула, Переславль-Рязанский) оставались в последние годы Смуты островками относительной безопасности и экономической стабилизации, то уезды к югу от Оки переживали в начале царствования Михаила Фёдоровича тяжёлые времена, регулярно подвергаясь нападениям татарских, польско-литовских и бунтующих русских отрядов. Подчинённую Владимирской четверти крепость Крапивну в апреле 1613 г. захватили, разграбили и сожгли казаки атамана И.М. Заруцкого, после чего весь доход с крепости составлял лишь 8 руб. 40 коп. Летом 1617 г. на Крапивенский уезд совершил набег татарский отряд, в мае 1618 г. к Крапивне подступали войска Речи Посполитой, а в сентябре того же года крепости пришлось выдержать осаду дезертировавших из русских войск «воров-казачков»³⁸. Политическая нестабильность и опасность вражеского нападения сказывались на экономическом состоянии региона, и в 1616/17 г. взять в откуп крапивенский кабак и таможду соглашались всего за 4 руб. Даже по завершении Смуты, в 1620/21 г. их прибыльность в Крапивне оставалась ниже, чем после разорения города Заруцким, и едва превысила 7 руб.³⁹

³⁵РИБ. Т. XXVIII. Стб. 13–14.

³⁶Там же. Стб. 84–88; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 7–8, 10.

³⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 7–8, 10; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 50, 55.

³⁸Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 69, 180; Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава, 1995. С. 78; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 3, л. 145.

³⁹РИБ. Т. XXVIII. Стб. 49, 50; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 43, 48; д. 49949, л. 19, 20; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 20, 542 об., 582.

Город Болхов, согласно приходо-расходной книге 1613/14 г., платил в казну различных четвертных доходов на 119 руб. 19 коп. 1 деньгу⁴⁰. Кроме того, кабак и таможня, взятые в откуп посадскими людьми, дополнительно давали 136 руб. 60 коп. в год. Всего сборы с города и уезда должны были составлять около 255 руб. До лета 1613 г. экономическое состояние Болхова оставалось, судя по всему, стабильным. Во всяком случае откупные деньги с посадских людей взяли в полном объёме (83 руб. 30 коп. в Москве, остальное израсходовано на месте)⁴¹. 10 июля 1613 г. на город напали «литовские люди»; 12 июля, по описанию воеводы, «Болхов... взяли, и острог, и слободы и кабак выжгли, и дворян и детей боярских, и посадских многих людей побили, а иные посадские люди разбежались розно по иным городом безвесно»⁴². Речь идёт о действиях отряда запорожского атамана Наливайко⁴³. В результате разорения брать дворовый оброк, ранее приносивший в казну 94 руб. 66 коп. 1 деньгу, оказалось не с кого, а цена откупа кабака и таможни сократилась до 120 руб., причём кабацкие деньги указали платить во Владимирскую четь, а таможенные — в Большой приход⁴⁴. Окрестности Болхова неоднократно подвергались опустошению и после набега Наливайко. 30 августа 1615 г. к городу безуспешно приступал полковник А.-Ю. Лисовский, после чего Болхов на некоторое время стал базой действовавшей против лисовчиков русской рати под командованием боярина кн. Д.М. Пожарского. В мае 1616 г. через уезд прошли отряды «воровских казаков», разбежавшихся из-под Смоленска и Брянска. В августе 1616 г. на Болхов дважды нападали татары, причём бои с ними шли на посаде и в слободах; в сентябре они снова опустошали Болховский уезд. В ноябре 1617 г. там были зафиксированы действия литовских отрядов, один из них в декабре напал на город, и сражение с ним происходило на городском посаде. В феврале 1618 г. к Болхову подступал полк Чаплинского; ещё один отряд подданных Речи Посполитой атаковал город в марте 1618 г. В июне у стен крепости его защитники бились с полком Казановского, а в июле — с людьми Юстина Лисовского⁴⁵. Всё это время в Болхове функционировал кабак, причём стоимость его откупа вскоре после взятия города казаками Наливайко увеличилась: в 1615/16 и 1616/17 гг. приходилось платить уже не 60 руб., а 73 руб. 12 коп. 1 деньгу⁴⁶, что, однако, не являлось следствием экономического подъёма региона. Откупщик Павел Епифанов в 1616 г. подал челобитную, утверждая, что «от литовского разорения» собрать положенных денег невозможно, в связи с чем просил либо снять с себя откуп, либо уменьшить его стоимость на 10 руб.; но его просьбу не удовлетворили⁴⁷. По данным сметы за 1616/17 г., Болхов и уезд внесли в казну 93 руб. 7 коп. 1 деньгу (большую часть составляли

⁴⁰РИБ. Т. XXVIII. Стб. 22–23; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1.

⁴¹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1.

⁴²Там же, л. 2; д. 37622, л. 1; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 23.

⁴³В 1617 г. вернувшийся из польского плена болховитин сын боярский Иван Петров сын Лукин писал в челобитной: «Как... с литовскими людьми Наливайко город Болхов взяли, а мы... в те поры в Болхове сидели в осаде. И отца... моего... иссекли, а меня... литовские люди взяли в полон..., и я... живот свой мучил в полону в Литве пять лет» (РГАДА, ф. 141, д. 2 (1619 г.), л. 48).

⁴⁴РИБ. Т. XXVIII. Стб. 22–23.

⁴⁵РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 4, 6, 420; оп. 9, д. 7, л. 250; Книга сеунчей... С. 45, 48, 68, 69, 73, 75, 80, 81, 83.

⁴⁶РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 117; д. 38948, л. 11.

⁴⁷Там же, д. 38940, л. 117.

доходы от кабака)⁴⁸. Даже если предположить, что таможенные пошлины, шедшие в приказ Большого прихода, собирались в объёме, равном кабацким деньгам (что маловероятно), то общий размер поступлений в бюджет Московского государства за 1616/17 г. мог быть около 166 руб., что на треть меньше суммы, взятой в 1612/13 г.

Оклад четвертных сборов с города Воротынска не менялся с конца XVI в.: по сотной грамоте 1590/91 г. с его 50 дворов причиталось 20 руб. оброка. 3 руб. 25 коп. взимали за перевоз и рыбную ловлю, 5 руб. 54 коп. 1 деньгу — за наместничий корм. Тот же оклад сохранялся в 1613/14 г. Это, разумеется, не означает, что события Смутного времени не повлияли на экономическое состояние города. На уровень его разорения указывают заметно сократившиеся поступления питейных пошлин: в 1605/06 г. они составляли (вероятно, вместе с тамгой) 61 руб. 90 коп., в 1612/13 г. — всего 11 руб. В 1613/14 г. в Воротынске собрали 23 руб. четвертных доходов, кабацкие и таможенные деньги выросли по сравнению с предыдущим годом почти вдвое: продажа алкоголя принесла 16 руб. 56 коп., с таможни получили 3 руб. 90 коп. 1 деньгу⁴⁹. Тем не менее сборы с города были в два раза ниже, чем в начале Смутного времени. Картина не изменилась и в течение 1614/15 г. Во всяком случае дворовый оброк с Воротынска оставался прежним — 20 руб. Но его в Москве так и не получили. С весны 1615 г. на город обрушилась череда вражеских набегов. В мае 1615 г. на него напал отряд в четыре сотни «воровских казаков», бежавших из полков под Брянском: «и в Воротынску... на посаде и в Воротынском уезде крестьян переграбили, а воротынцев посадцких людей лутчих побили насмерть, а иных многих ломали и розными пытками пытали, и огнем жгли, и Божия милосердя образы окладныя одирают, и дворянских и детей боярских людей и крестьян в Воротынском уезде в вотчинах и поместьях по тому ж многих насмерть побивают и пытками пытают, и огнем жгут»⁵⁰. В 1615/16 г. «литовские люди» выжгли воротынский посад и «побили» его жителей, в результате дворовый оброк за 1614/15 г. не попал в Москву, а в 1615/16 и 1616/17 г. брать его было не с кого⁵¹. Последствия разорения «литовскими людьми» Воротынска оказались тяжёлыми: собирать доходы вновь смогли лишь через полгода. С 1 марта по 1 сентября 1616 г. верные целовальники смогли собрать в Воротынске 3 руб. 24 коп. 0,5 деньги кабацких и таможенных денег. Слабое оживление экономической жизни в разорённом уезде не осталось незамеченным в Москве: в январе 1617 г. осадному голове М.Т. Дурному направили грамоту, где констатировалось начало возвращения в Воротынск разбежавшихся посадских людей; по распоряжению из Владимирской четверти их предстояло переписать. Оптимизм столичных властей оказался преждевременным. За следующие полгода, с 1 сентября 1616 г. по 1 марта 1617 г., целовальникам удалось собрать только

⁴⁸Там же, д. 38948, л. 11–13.

⁴⁹РИБ. Т. XXVIII. Стб. 20–22, 78–79.

⁵⁰РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38011, л. 20.

⁵¹Там же, д. 38940, л. 116. Послужные списки начала XVII в. позволяют связать разорение Воротынска с действиями отрядов полковника А.-Ю. Лисовского в сентябре 1615 г. В одном из списков упоминается о сражении рати боярина кн. Д.М. Пожарского с лисовичиками в Воротынском уезде 11 сентября 1615 г.; в послужном списке жильца П.Г. Квашнина есть указание на бой с «литовскими людьми», развернувшийся 27 сентября 1615 г. на посаде Воротынска (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 50; д. 4, л. 470; оп. 9, д. 892, л. 598). Это ещё одна малоизвестная страница в истории Смуты, не нашедшая отражения в трудах, посвящённых «войне Лисовского».

1 руб. 70 коп. 1 деньгу. С наступлением весны ситуация и вовсе стала отчаянной из-за действий «воровских казаков»: «марта с 1-го числа нынешняго 125-го году сентября по 1-е число 126-го году в Воротынске кабацких и таможенных денег верные целовальники не збирали, бегали от казаков и сидели в осаде в Колуге»⁵².

Ещё более болезненным оказался удар, нанесённый в Смуту Орлу. Выписка о состоянии подведомственных Владимирской четверти городов исчисляет годовой оклад для города в 50 руб. 18 коп. 1 деньгу (из них 28 руб. получали с продажи вина)⁵³. Позднее орловский кабак дали в откуп за 34 руб. 77 коп., после чего по уточнённым во Владимирской четверти данным общий оклад для Орла составил в 1613/14 г. 56 руб. 95 коп. 1.5 деньгу. Однако получить в Москве успели только 6 руб. 50 коп., взятых загодя, ещё 30 августа 1613 г. Прочих денег собрать не удалось: в начале 1614 г. город сожгли «литовские люди»: «посацких и всяких жилецких людей посекали, а острог и дворы пожгли без остатку». До конца Смутного времени город так и не восстановили; в финансовых документах Владимирской чети из года в год повторялась запись: «И в прошлом во 122-м году литовские люди Орел, посад и уезд розорили и людей побили, и тех денег взяти не на ком»⁵⁴.

Непростая экономическая ситуация сложилась в Зарайске. По приходо-расходной книге 1613/14 г. годовой оклад там составлял 588 руб. 15 коп. 1.5 деньги. В предыдущем 1612/13 г. сборы в Зарайске были приблизительно такими же: из оклада «убыло» 110 руб. 66 коп. 1.5 деньги (главным образом из-за передачи части податей в пользу Никольского собора), но за счёт увеличения нагрузки на отданный в откуп зарайский кабак (115 руб. 85 коп. 1 деньга) «убыль» компенсировали и даже добились небольшого прироста⁵⁵. Впрочем, пятирублёвая прибыль была слабым утешением, если учитывать, что «до литовского и до татарсково разоренья» в Зарайске собирали 1 266 руб. 57 коп. Столь тяжёлое положение стало основанием для подачи зарайским посадом руководству I Ополчения челобитной с просьбой освободить горожан от ряда податей: «у Николы де у Заразского город разорен трожды, и людей посадцких многих побили, и посады выжгли»⁵⁶. Несмотря на то, что Зарайск после воцарения Михаила Фёдоровича вплоть до лета 1618 г., когда к его стенам подошли запорожцы гетмана Петра Сагайдачного, находился в удалении от зоны наиболее активных боевых действий, разорение города продолжалось. В 1616/17 г. с Зарайска и Зарайского уезда удалось собрать всего 416 руб. 73 коп. 1 деньгу. Бóльшая часть денег приходилась на кабацкие сборы, отданные в откуп за 376 руб. 86 коп. 1 деньгу⁵⁷.

Ощутимым оказалось и разорение города Михайлова. До наступления Смутного времени с него собирали по окладу 248 руб. 40 коп. Однако

⁵²РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 116; ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 9–10.

⁵³Там же, д. 37921, л. 3.

⁵⁴Там же, д. 38948, л. 27.

⁵⁵РИБ. Т. XXVIII. Стб. 58–62.

⁵⁶РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 11–12. Любопытно указание на трехкратное разорение Зарайска в Смутное время. Известны два разорения города – весной 1608 г. отрядами А.-Ю. Лисовского и в декабре 1610 г. И. Сунбуловым, действовавшим от имени правительства «семибоярщины». По всей видимости, третье разорение нужно связывать с нападением татарских отрядов (в приказной выписке упоминается, помимо «литовского», также и «татарское» разорение города).

⁵⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 60–61.

в 1612/13 г. верные целовальники собрали кабацких, таможенных и банных денег всего 136 руб. Несмотря на очевидное падение доходов, этот год в Михайлове рассматривался как относительно благополучный: отдавая в 1613/14 г. кабак и таможду в откуп за 80 руб. 50 коп., михайловский воевода объяснял этот явно невыгодный для казны шаг тем, что «во 121-м году ратных людей было много, а ныне де служивых людей мало». В итоге с Михайлова в 1613/14 г. удалось собрать лишь 87 руб. Общее состояние города и уезда ярко охарактеризовано в отписке воеводы: «на Михайлове никаких сошных тяглых людей нет, все служивые люди; а которые были черные люди до розоренья 200 человек, и те в межусобье разошлись по слободам в стрельцы и в казаки, а иные побиты. А чернослободцов на Михайлове нет ни одново человека; а Михайловской уезд в межусобье от крымских и от нагайских людей разорен, села и деревни выжжены»⁵⁸. К 1616/17 г. ситуация в Михайлове улучшилась лишь немного: подняв стоимость откупа кабака, тамги и бани на 10 руб., с города собрали 101 руб. 25 коп.⁵⁹

Похожая ситуация наблюдалась и в других «рязанских» городах. Подати с Пронска «до литовского разорения» составляли 180 руб. 21 коп. 0.5 деньги, а в 1612/13 г. — лишь 104 руб. 45 коп. 1 деньгу. Как и в Михайлове, в Пронске, по словам воеводы, «посадцких тяглых людей нет, все стрельцы и казаки, и пушкари, и затинщики, взяти денежных доходов не на ком»⁶⁰. Результатом стало существенное падение доходов: за 1613/14 г. целовальники собрали в городе только 58 руб. 37 коп. 1 деньгу⁶¹. В последующие годы ситуация выправилась незначительно: в 1615/16 г. кабацких и таможенных денег верные целовальники получили 71 руб. 93 коп., в 1616/17 г. — 75 руб. 65 коп.⁶²

Прибыли от города Донкова и в лучшие времена были меньше, чем в разорённом Пронске, — наместничий доход и кабацкие деньги приносили в казну 65 руб. 45 коп. В 1612/13 г. в городе собрали лишь 33 руб. 47 коп. Однако и это был ещё не предел экономического падения уезда, где «тяглых людей, опричь стрельцов и казаков, и в уезде сел и деревень нет, выжжены и вываины». За 1613/14 г. сборы упали до 22 руб. 31 коп.⁶³, а к 1616/17 г. не успели вернуться даже к уровню 1612/13 г. и составили лишь 30 руб. 49 коп. 1 деньгу⁶⁴.

Сведениями о податях, взимаемых с города Рязска до «литовского и татарского разоренья», во Владимирской четверти не располагали. В 1612/13 г. с него удалось собрать 46 руб. 25 коп.; такими же оставались доходы в 1613/14 г. и ближайшие годы. К концу Смуты положение Рязска стало даже более бедственным, чем в соседних уездах, — согласно отписке рязского воеводы от 1613/14 г., «в Рязском города и острогу, и посаду, и посадцких черных людей нет, опричь казаков»⁶⁵. Острог, правда, вскоре поставили, однако простоял он недолго — в июле 1618 г., после получения вестей о вторжении в южные уезды войска запорожского гетмана Сагайдачного, в Рязск пришло распоряжение — «по черкасским вестям велено... рязской горадецкой

⁵⁸ Там же, д. 37921, л. 14–15; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 25–26.

⁵⁹ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 15.

⁶⁰ Там же, д. 37921, л. 16.

⁶¹ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 26–27.

⁶² РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 16.

⁶³ Там же, д. 37921, л. 17–18; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 27–28.

⁶⁴ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 18–19.

⁶⁵ Там же, д. 37921, л. 19; д. 38948, л. 58–59.

острожок розламать», что и выполнил воевода, ушедший с ряжским гарнизоном оборонять Пронск⁶⁶.

К числу совсем молодых городов в Рязанской земле принадлежал Сапожок, названный в приходе-расходной книге Владимирской чети 1613/14 г. «Сапошковским новым острошком». Неизвестно, когда здесь возвели крепость; наиболее раннее упоминание о ней относится к 1612/13 г.⁶⁷ Начиная с этого года единственным источником дохода в городе выступал кабак: на протяжении следующих четырёх лет его отдавали в откуп за одну и ту же сумму — 35 руб. 20 коп.⁶⁸ Короткому периоду стагнации положило конец нападение запорожцев Сагайдачного, разоривших Сапожок летом 1618 г. Часть населения города погибла, некоторые бежали в соседний Шацкий уезд. Прибывший в марте 1619 г. в Сапожок воевода застал на месте лишь 133 казаков, 12 пушкарей, затинщиков и воротников; кроме них в двух слободах обнаружилось 50 «жилецких и всяких людей»⁶⁹.

Уже после оформления приходе-расходной книги 1613/14 г. в ведение Владимирской четверти передали крепость Печерники. Доходность её была невысокой: в 1615/16 г. прибыльность кабака и таможи оценили лишь в 10 руб. 50 коп., в 1616/17 г. — в 12 руб. 7 коп. 1 деньгу. Приблизительно столько же откуп этих объектов стоил в первые годы по завершении Смуты: в 1620/21 г. — 11 руб. 15 коп., 1621/22 г. — 13 руб. 51 коп. 0.5 деньга⁷⁰.

Во Владимирской четверти числились также несколько крупных сёл на Оке. Прибыль от них стоила иных городов, подчинённых тому же приказу. Одно из них — село Старая Рязань, расположенное ниже Переславля-Рязанского по течению Оки на месте древней столицы Рязанского княжества. В 1612/13 г. откуп кабака и таможи в Старой Рязани обогатил казну на 90 руб., 1613/14 г. — на 99 руб., а в 1614/15 г. — на 109 руб. 95 коп.⁷¹ В смете Владимирской четверти 1616/17 г. это село уже не фигурирует. Вероятно, причиной тому является его сожжение в декабре 1615 г. отрядом А.-Ю. Лисовского, двигавшимся из-под Мурома к Переславлю-Рязанскому (в числе сожжённых, по собственному свидетельству полковника, «городов» легко угадывается название Старой Рязани — *Stara Brzezaw*)⁷². Во Владимирской чети ведалось также село Перевицк (ранее, как и Старая Рязань, бывшее городом), расположенное между Коломной и Переславлем-Рязанским. В марте 1613 г. кабак и таможня здесь дали в откуп за 70 руб. 50 коп., на 1613/14 г. их перекупили за 75 руб. 75 коп., в 1614/15 г. — за 81 руб. В 1615/16 г. цена достигла 144 руб. и осталась той же в 1616/17 г. По завершении Смуты прибыльность Перевицка поднялась ещё на 80% — таможенная пошлина давала

⁶⁶ Там же, ф. 210, оп. 10, д. 7, л. 133.

⁶⁷ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 65; РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 892, л. 540–541.

⁶⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 189 об., 191–193; д. 38948, л. 63, 77; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 65.

⁶⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 7, л. 152, 153, 165.

⁷⁰ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 57; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 52, 522.

⁷¹ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 56; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37574, л. 1–3; д. 38940, л. 187 об.

⁷² Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 145. URL: <http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin>. После 1613/14 г. мы не обнаруживаем в документах как отдельный объект налогообложения рязанское село Стружан, где кабак и тамгу в 1613/14 г. взяли в откуп за 27 руб. 30 коп. (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 64–65).

в казну более 149 руб., а кабацкий откуп стоил свыше 90 руб.⁷³ Меньше богатым было село Ростиславль (также бывший древнерусский город), лежавшее между Коломной и Каширой, подчинённое воеводам города Зарайска. Там собирали кабацкие и мытные деньги: в мае—августе 1611 г. — 35 руб. 36 коп.; 1612/13 г. — 41 руб., 1613/14 г. — 34 руб. 70 коп. 1 деньгу (по другим данным — 36 руб. 72 коп.), 1614/15 г. — 31 руб. 47 коп. В 1616/17 г. кабак и таможду в Ростиславле отдали в откуп за 44 руб. 7 коп.⁷⁴

Некоторые города, ведомые во Владимирской чети, возвратились под власть Московского государства лишь после воцарения Михаила Фёдоровича. К их числу относится Путивль, захваченный польскими войсками в 1611/12 г.⁷⁵ Ранее он приносил немалую прибыль — «с посаду и с уезду всяких денежных доходов до литовского разоренья было 1 210 рублей». В июле 1613 г. город заняли русские войска, но вследствие разорения в 1613/14 г. податей с него брать не стали⁷⁶. В течение того года путивльский кабак принёс казне 491 руб., и на следующий 1614/15 г. постановили собрать ту же сумму⁷⁷. К 1616/17 г. Путивль вышел из льготного периода, но до прежнего уровня не поднялся — за период с 1 сентября 1615 г. по 1 мая 1616 г. верные целовальники собрали 321 руб. 78 коп. 1 деньгу питейных прибылей (следовательно, за полный год путивльский кабак мог принести примерно столько же, что и в предыдущие два года). Эти деньги по царскому указу не присылали в Москву — на них следовало покупать хлебные запасы для ратных людей⁷⁸. На протяжении нескольких лет Путивльский уезд оставался в состоянии экономической стагнации, из которой стал выходить лишь в 1620-е гг.: в 1620/21 г. кабак взяли в откуп за 440 руб. 41 коп., 1621/22 г. — за 579 руб. 93 коп. 1.5 деньга, 1622/23 г. — за 614 руб. 94 коп. 0.5 деньга⁷⁹.

В похожей экономической ситуации находился расположенный в 60 верстах от Путивля Рыльск. В приходе-расходной книге Владимирской четверти 1613/14 г. этот город не фигурирует, надо полагать, его передали под её юрисдикцию позже. В последние годы Смуты Владимирская четверть получала с Рыльска только кабацкие деньги (таможенные пошлины, вероятно, шли в приказ Большого прихода). Наиболее ранние известные нам сведения о сумме, поступавшей в казну от рыльского кабака, относятся к 1614/15 г. — 110 руб. 50 коп. Она осталась прежней и на следующий год, а в 1616/17 г. сбор питейных податей в Рыльске отдали на веру (собранная целовальниками сумма, к сожалению, нам неизвестна, её, как и в Путивле, велели тратить на месте на закупку хлеба ратным людям)⁸⁰. По завершении Смуты доходность торговли вином в Рыльске быстро выросла: в 1620/21 г. верные

⁷³РИБ. Т. XXVIII. Стб. 57; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 50003, л. 1–2; д. 38940, л. 177, 187 об.; д. 38948, л. 55; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 3–3 об., 84 об.

⁷⁴РИБ. Т. XXVIII. Стб. 58; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37746, л. 1, 13; д. 38940, л. 34 об., 37 об., 188 об., 245; д. 38948, л. 56, 57.

⁷⁵РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 101, л. 435.

⁷⁶Там же, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 6; РИБ. Т. XXVIII. Стб. 34–35; Книга сеунчей... С. 19.

⁷⁷РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 141.

⁷⁸Там же, д. 38948, л. 28. Отмечу, что денег, собираемых в Путивле, не могло хватить на жалование местным служилым людям и переведённым туда из их запустевшего города черниговцам. Согласно составленной в Разрядном приказе смете, в 1617–1618 гг. на уплату годового жалованья 269 детям боярским, 324 казакам, 300 стрельцам, служившим в Путивле, требовалось 4 275 руб. (Там же, ф. 210, оп. 14, д. 2, л. 257–258).

⁷⁹Там же, ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 244, л. 210, 244.

⁸⁰Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 132–134; д. 38948, л. 65.

целовальники собрали 399 руб. 46 коп., а на следующий год кабак передали в откуп за 420 руб. 46 коп.⁸¹

Если Путивль после возвращения под власть Московского государства, хоть и медленно, восстанавливал экономический потенциал, то некоторые из подведомственных Владимирской четверти городов пришли в полное запустение. К числу таковых принадлежал Чернигов, который не был богат и до начала Смутного времени – в 1601/02 г. все денежные сборы с него в казну составляли всего 39 руб. 93 коп. 1.5 деньги⁸². В 1609/10 г. город разорили польско-литовские войска, после чего служилые люди Черниговского уезда несли службу главным образом в Путивле, Новгороде-Северском и Рыльске⁸³. Отмеченный в приходе-расходной книге Владимирской четверти в 1613/14 г. как запустевший, Чернигов уже не фигурирует в смете этого приказа за 1616/17 г., как и Ржева Пустая (Заволочье), приносившая казне в 1605/06 г. 66 руб. 39 коп. 0.5 деньги. В июле 1613 г. русские отряды отбили её у неприятеля, но позитивных перемен не последовало: «город и посад сожгли, и ныне пуст»⁸⁴.

Иная судьба у отнятого у польско-литовской стороны в 1613 г. Невеля: до конца Смуты он оставался на передовой линии противостояния между Московским государством и Речью Посполитой, вернувшись под власть последней лишь по условиям Деулинского перемирия 1618 г.⁸⁵ И если в 1601/02 г. доходы с Невеля достигали лишь 85 руб. 53 коп. 1 деньгу (на долю питейных пошлин приходилось 52 руб. 67 коп. 1 деньга), то уже в 1613/14 г. невельский кабак отдали в откуп за 200 руб., 1614/15 г. – за 225 руб., 1615/16 г. – за 265 руб. В 1616/17 г. кабацкую и таможенную прибыль оценили в 306 руб.⁸⁶ Невельские деньги оставались на месте и расходовались на уплату жалованья служилым людям⁸⁷. В последние годы Смуты продажи алкоголя в Невеле увеличились по сравнению с 1601/02 г. пятикратно, что не следует связывать с экономическим подъёмом, невозможным в зоне постоянных боевых действий. Вероятнее всего, доходы выросли из-за присутствия в городе крупного воинского контингента.

Разорение западных уездов Московского государства можно проиллюстрировать примером Дорогобужа. До начала Смуты, в 1601/02 г., общий доход с города и уезда составлял 335 руб. 21 коп. 0.5 деньги, из них 132 руб. давал кабак. В 1610 г. Дорогобуж был захвачен польско-литовскими войсками и возвратился под власть Московского государства только в 1613 г., во время похода русской рати кн. Д.М. Черкасского на Смоленск. К тому времени, по свидетельству приходе-расходной книги, «дорогобужен посацких людей после литовского розоренья осталось только 10 человек, а уездом владеют козаки, а даны им в приставства»⁸⁸. Основным источником дохода для казны в разорённом

⁸¹ Там же, ф. 233, оп. 1. кн. 4, л. 445–445 об.

⁸² РИБ. Т. XXVIII. Стб. 64.

⁸³ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 109, л. 211.

⁸⁴ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 64, 65; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 6; Сборник Русского исторического общества. Т. 142. М., 1913. С. 421.

⁸⁵ О военном противостоянии в окрестностях Невеля см.: Малов А.В. Борьба за Невель в конце Смуты // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т.І. Київ, 2009. С. 67–88.

⁸⁶ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 35; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 6; д. 38940, л. 119–120; д. 38948, л. 29.

⁸⁷ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38940, л. 49 об.

⁸⁸ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 63.

уезде был кабацкий двор. Его отдавали в откуп в 5–6 раз дешевле, чем в начале Смуты: за 21 руб. в 1613/14–1614/15 гг. и за 26 руб. в 1615/16–1616/17 гг. Вместе с деньгами за баню и сусло Дорогобуж к 1617 г. приносил казне 28 руб. 35 коп.⁸⁹ В 1617 г. его заняли войска королевича Владислава, а затем, по Деулинскому перемирию 1618 г., город отошёл к Речи Посполитой.

Волок-Ламский в 1599/1600 г. пополнил государственную казну на 134 руб. 84 коп. 0.5 деньги. В 1613/14 г. с него собрали приблизительно столько же – 135 руб. 65 коп. 1.5 деньги⁹⁰. Расположенный всего в 100 верстах от столицы, город с конца 1612 г., когда под его стенами остановили шедшее на Москву войско короля Сигизмунда III, на протяжении нескольких лет находился в зоне относительной безопасности. Поэтому сборы с Волока постепенно росли, и в 1616/17 г. с него планировалось взять уже 163 руб. 23 коп. 1.5 деньги. Разумеется, город не был застрахован от отдельных неприятностей: в конце 1615 г., например, через него прошёл отряд воеводы кн. М.П. Барятинского, преследовавший действовавших в центральных уездах «лисовчиков». Воевода взял в местном кабаке себе и ратным людям вина на 46 руб., не удосужившись за него заплатить. В 1616/17 г. здесь случился большой пожар, вследствие чего откупщикам простили 31 руб. недобранных кабацких денег⁹¹. Существенно повлиять на ситуацию в Волоке должен был 1618 г., когда в его окрестностях развернулись военные действия с войсками королевича Владислава, но, к сожалению, соответствующими данными мы не располагаем.

Более тяжёлая участь постигла на исходе Смуты Верею, расположенную на таком же расстоянии от Москвы, что и Волок-Ламский. По окладу 1609/10 г. с верейского кабака Владимирская четь получала 55 руб. 60 коп., а вместе с прочими сборами – 66 руб. 31 коп. 1 деньгу. В 1610/11 г. город захватили польско-литовские отряды, разорившие его и даже вырубившие фруктовые сады. Проведённый в 1613 г. дозор показал неутешительную картину запустения: «посад и уезд от войны литовских людей вызжен и высечен, и кабак пуст, и тех четвертных доходов и кабацких денег взять не на ком». По оценке, проведённой в 1613/14 г., с Вереи взяли, с учётом разорения города и уезда, всего 3 руб. 81 коп. 0.5 деньги⁹². Удар, нанесённый «литовскими людьми», оказался не последним: в 1615 г. её захватили и разграбили «воровские казаки» атамана Афанасия Кумы⁹³. Неудивительно поэтому, что и прежней суммы собрать не могли: в 1616/17 г. оклад для города оставался прежним, но в Москве получили только 20 коп.⁹⁴ В октябре 1617 г. вновь «государевы изменники русские воры козоки, села и деревни жгли и хрестьян из животов мучили». Ходили они и на приступ к самому городу, но на этот раз захватить его не сумели⁹⁵. И, наконец, в конце августа 1618 г. Верея опять оказалась в руках польско-литовского войска, двигавшегося в направлении Москвы⁹⁶.

Сметы Владимирской четверти за 1613/14 и 1616/17 гг., помимо сведений о деньгах, присланных в казну из разных городов и уездов, содержат также

⁸⁹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 49949, л. 27; д. 38940, л. 36, 37; д. 38948, л. 62–63.

⁹⁰РИБ. Т. XXVIII. Стб. 17–20.

⁹¹РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 6–8, 95–96.

⁹²РИБ. Т. XXVIII. Стб. 65–68.

⁹³РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 2, л. 400.

⁹⁴Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38948, л. 64–65.

⁹⁵Там же, ф. 210, оп. 9, д. 7, л. 246, 248.

⁹⁶Там же, д. 9, л. 122.

подведение общего финансового итога деятельности приказа. Сопоставление этих данных за два года позволяет сделать ряд наблюдений. В 1613/14 г., примеряясь к финансовым итогам предыдущего года, рассчитывали собрать 12 136 руб. 56 коп. 1 деньгу. В 1616/17 г. прогнозы по сбору «окладных доходов» выглядят скромнее — лишь 8 109 руб. 60 коп. 1 деньга⁹⁷. Это указывает на то, что реальные поступления 1615/16 г. (исходя из них рассчитывался «оклад» на 1616/17 г.) оказались на треть ниже аналогичного показателя 1612/13 г. В обоих случаях сборы оказались заметно ниже прогнозируемых. За 1613/14 г. собрали 8 701 руб. 82 коп. 1 деньгу (около 72% запланированной суммы); в 1616/17 г. в распоряжение Владимирской четверти с подведомственных городов было прислано 7 213 руб. 77 коп. 0.5 деньга (89%). По сравнению с 1613/14 г. окладные доходы Владимирской четверти упали на 17%.

Помимо окладных денег приказ взыскивал недоимки за предыдущие годы и получал также иные, незапланированные доходы, именовавшиеся «неокладными». Без учёта сумм, заимствуемых в других приказах, в 1613/14 г. Владимирская четверть получила в распоряжение 12 460 руб. 22 коп. 0.5 деньга, а в 1616/17 г. — 72% от собранного в 1613/14 г. — 9 026 руб. 75 коп. 1.5 деньга. Для пополнения дефицита наличных средств Владимирской четверти приходилось прибегать к займам в других приказных учреждениях. В 1613/14 г. таких денег взяли 1 110 руб., в 1616/17 г. — 2 396 руб. Отметим также, что непосредственно в Москву, в распоряжение руководства Владимирской чети поступало менее половины собираемых в городах средств (большая часть расходовалась непосредственно на местах). В 1613/14 г. до столицы дошло лишь около 3 350 руб., т. е. 27% общего количества сборов за год. В 1616/17 г. этот показатель вырос до 36%, но в денежном выражении оказался ниже прежнего — около 3 280 руб.⁹⁸

Какие предварительные выводы мы вправе сделать, опираясь на финансовую документацию Владимирской четверти 1613–1617 гг.? Источники свидетельствуют: первые годы царствования Михаила Фёдоровича — время продолжения экономического кризиса, который не только не демонстрировал тенденции к затуханию, но, напротив, становился более глубоким. К 1613 г. страна была уже основательно разорена. Полной статистикой для городов Владимирской четверти мы не располагаем, но и имеющиеся сведения позволяют оценить ситуацию. В крайне тяжёлом положении оставались уезды, отбитые у Речи Посполитой: Чернигов и Ржева Пустая пришли в полный упадок, Дорогобуж давал в казну в 14 раз меньше, чем до Смуты, поступления с Путивля сократились в 2.5 раза. С Торжка к 1613 г. собирали денег в четыре раза меньше, чем прежде, с Пронска — в три раза, с Зарайска, Михайлова, Донкова и Воротынска — в два раза. В меньшей степени пострадали крупные города, за стенами которых могли рассчитывать на относительную безопасность жители окрестных земель. Уменьшение податей с Калуги составило примерно 25%, с Переславля-Рязанского — 13%. Суммарный же доход с перечисленных городов, шедший в казну Владимирской четверти в 1613 г., был в два с лишним раза ниже, чем до начала Смуты.

⁹⁷Согласно составленной для участников Земского собора 1616 г. справке, в 1615/16 г. Владимирская четь рассчитывала собрать вместе с доимками прошлых лет 7 875 руб. 56 коп. 0.5 деньга (Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 75–76), что должно примерно соответствовать сборам 1614/15 г.

⁹⁸РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37890, л. 44–48, 65–67; д. 38948, л. 66–69, 108.

С.Б. Веселовский опубликовал отрывок сметы Владимирской четверти за 1601/02 г. На первый взгляд этот фрагмент свидетельствует о том, что до начала Смуты доходы приказа не слишком отличались от уровня 1613–1617 гг.: «всего в чети у дьяка Богдана Власьева четвертных окладных, и неокладных и доимочных денег прошлых годов, и что у 109-го году за расходом осталось во 110-й год, в зборе 8 983 рубли 6 алтын 1 деньга». Вместе с занятыми в приказе Казанского дворца 3 тыс. руб. получилась сумма около 12 тыс. руб.⁹⁹ Однако анализ опубликованного Веселовским фрагмента и сопоставление со структурой других смет Владимирской четверти начала XVII в. показывает: приведённая сумма включает не все доходы приказа, а только средства, поступившие в Москву в распоряжение дьяка Б. Власьева. Ей предшествует перечисление «доимок» прошлых лет, а непосредственно за калькуляцией предварительного итога («и обоего с заемными деньгами в зборе») следует подсчёт сумм на уплату жалованья четвертчикам из средств приказа в Москве. В годовых сметах Владимирской четверти между «доимками» и расходами помещали сумму, пришедшую непосредственно в приказ (средства, потраченные на местах, здесь не учитывались). Отмечу также, что на жалованье четвертчикам (их в 1601/02 г. числилось около 500 человек) Владимирская четверть должна была иметь (непосредственно в Москве) 10 455–12 323 руб., что примерно соответствует сумме, собранной в приказе, вместе с занятыми в Казанском дворце деньгами. Следовательно, приведённая в опубликованном С.Б. Веселовским фрагменте сметы 1601/02 г. сумма – 8 983 руб. 18 коп. 1 деньга – это не весь годовой приход Владимирской четверти, а только деньги, взятые в Москве. По данному показателю видно, что в 1601/02 г. (который из-за свирепствовавшего в стране голода нельзя назвать благополучным) руководство приказа получило в своё распоряжение в 2,7 раза больше средств, чем в 1613/14 г. Это, повторимся, не весь доход Владимирской чети: в 1613/14 и 1616/17 гг. на местах тратилось в 3–4 раза больше, чем доходило до столицы. Мы не знаем, к сожалению, каково соответствующее соотношение на начало XVII в., а потому не можем подсчитать приблизительную общую сумму сборов во Владимирской четверти. Думается, в идеале она должна была как минимум покрывать расходы приказа, а общая потребность Владимирской четверти в деньгах в 1615/16 г. составляла около 20 тыс. руб.¹⁰⁰

По приблизительным подсчётам, платёжеспособность населения Московского государства к началу царствования Михаила Фёдоровича (за первые восемь лет Смуты) сократилась в 2–2,5 раза, однако, как показывают материалы Владимирской четверти, к 1613 г. «экономического дна» ещё не достигла, и в хозяйственной жизни страны продолжалось падение. Разумеется, ситуация не выглядела одинаково в разных регионах Московского государства. В более выгодных условиях оказались территории, лежавшие в стороне от театра военных действий, в частности – Восточное Замосковье – Владимирский и Луховский уезды. Сбор податей с них за первые четыре года царствования Михаила Фёдоровича вырос на 25 и 12%, соответственно; на 20% – оклад Волока Ламского. Увеличились доходы, получаемые с больших торговых сёл на Оке: от Старой Рязани – на 22%, от Ростиславля – на 7,5%. Самый большой прирост наблюдался в селе Перевицк, поступления

⁹⁹Акты подмосковных ополчений. № 118. С. 159.

¹⁰⁰Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 76.

с которого поднялись более чем в два раза. Однако и этот регион мог оказаться под ударом (что, судя по всему, произошло со Старой Рязанью, разорённой отрядами полковника Лисовского). В ряде городов (Твери, Торжке, Невеле) в начале царствования Михаила Фёдоровича можно зафиксировать короткие всплески экономической доходности, связанные, впрочем, не с оживлением хозяйственной жизни в целом, а преимущественно с присутствием крупных воинских контингентов, сильно увеличивавших прибыльность местных кабаков. Продажа алкогольных напитков вообще в те годы давала казне львиную долю доходов, с чем и связано последовавшее в 1616 г. решение о создании особого учреждения для их сбора — Кабацкого приказа¹⁰¹.

Общую тенденцию, господствовавшую в экономической жизни подведомственных Владимирской четверти территорий, можно признать негативной — разорение городов и уездов продолжалось. Подати с Донкова к 1617 г. в сравнении с 1613 г. сократились на 9%, с Торжка — на 13, Тулы — на 17, Михайлова — на 26, Пронска — на 28, Зарайска — на 29, Переславля-Рязанского — на 33, Болхова — на 35, Крапивны — на 52, Твери — на 72, Вереи — на 95, Воротынска — на 96%. Некоторые города так и не оправались от ударов, полученных в первые годы царствования Михаила Фёдоровича: полностью запустели Орёл, Чернигов и Ржева Пустая. Можно лишь удивляться оптимизму, с которым московское правительство и участники Земского собора 1616 г. рассчитывали собрать с городов Владимирской четверти 7.5 тыс. руб. «пятинных денег»: 2 тыс. руб. с Калуги, по 1 500 руб. с Владимира и Тулы, по 1 тыс. руб. с Переславля-Рязанского и Твери, 500 руб. с Зарайска¹⁰². В целом за 1613—1617 гг. денежные доходы Владимирской четверти сократились на 28%, что тоже не стало пределом: следует помнить, что 1618 г., по которому мы не располагаем всей полнотой данных, принёс с собой новую волну разорения вследствие действий войск Речи Посполитой, запорожских черкас и «воровских казаков».

Разумеется, распространять выводы, сделанные на базе документов одной Владимирской четверти, на всё Московское государство рискованно. Однако в целом становится очевидным, что о хозяйственном возрождении страны в первые годы царствования Михаила Фёдоровича речи быть не может. Хозяйственный упадок страны нельзя объяснить одними лишь обстоятельствами военного времени: источники свидетельствуют, что зачастую виновниками разорения городов и уездов оказывались не только иноземные войска, но и взбунтовавшиеся подданные Московского государства — «воровские казаки». Ещё одной причиной экономического кризиса стала финансовая политика московского правительства, стремившегося компенсировать финансовые потери от убыли податного населения и нарушения торговых контактов между регионами за счёт увеличения фискальной нагрузки на подданных, остававшихся в тягле. Это, в свою очередь, вело к дальнейшему разорению и бегству налогоплательщиков, переходу их в разряд казаков и гулящих людей. До 1618—1619 гг. Смута продолжала разворачиваться, в числе прочего, и в экономическом плане.

---

¹⁰¹ Лисейцев Д.В. О времени учреждения Кабацкого приказа // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы): Сборник статей: Ч. 1. М., 2008. С. 305—313.

¹⁰² Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С. 159—161.

**Оклады и сборы денежных доходов
с городов и уездов Владимирской четверти в начале XVII в.**

	До разорения	1613/14 г.	1616/17 г.
Болхов		255 руб. 79 коп. 1 деньга	93 руб. 7 коп. 1 деньга
Боровск		114 руб. 97 коп. 1 деньга	137 руб. 25 коп.
Владимир		569 руб. 40 коп.	763 руб. 85 коп.
Волок Ламский	134 руб. 84 коп. 0.5 деньги	135 руб. 65 коп. 1.5 деньги	163 руб. 23 коп. 1.5 деньги
Воротынский	90 руб. 69 коп. 1 деньга	43 руб. 46 коп. 1 деньга	1 руб. 70 коп. 1 деньга
Донков	65 руб. 45 коп.	22 руб. 31 коп.	30 руб. 49 коп. 1 деньга
Дорогобуж	335 руб. 21 коп. 0.5 деньги	21 руб.	28 руб. 35 коп.
Зарайск	1 266 руб. 57 коп.	588 руб. 15 коп. 1.5 деньги	416 руб. 73 коп. 1 деньга
Калуга	1 788 руб. 12 коп.	1 826 руб. 87 коп. 1 деньга	
Крапивна		8 руб. 40 коп.	4 руб.
Лух		202 руб. 58 коп. 1 деньга	230 руб.
Михайлов	248 руб. 40 коп.	87 руб.	101 руб. 25 коп.
Невель	85 руб. 53 коп. 1 деньга	200 руб.	306 руб.
Орёл	50 руб. 18 коп. 1 деньга	56 руб. 95 коп. 1.5 деньги	—
Перевицк		75 руб. 75 коп.	144 руб.
Переславль-Рязанский	2 174 руб. 90 коп.	1 085 руб. 33 коп. 1.5 деньги	1 267 руб. 5 коп.
Печерники		—	12 руб. 7 коп. 1 деньга
Пронск	180 руб. 21 коп. 0.5 деньги	58 руб. 37 коп. 1 деньга	75 руб. 65 коп.
Путивль	1 210 руб.	491 руб.	
Ростиславль		34 руб. 70 коп. 1 деньга	44 руб. 7 коп.
Рыльск		—	
Рязск		46 руб. 25 коп.	46 руб. 25 коп.
Сапожок		35 руб. 20 коп.	35 руб. 20 коп.
Таруса		9 руб. 18 коп. 1.5 деньги	
Тверь		1 850 руб. 48 коп. 0.5 деньги	538 руб. 45 коп. 1 деньга
Торжок	1 900 руб.	955 руб. 89 коп. 1.5 деньги	401 руб. 9 коп. 1 деньга
Тула		496 руб. 47 коп. 1 деньга	414 руб. 52 коп.
Взято со всех городов за год*		8 701 руб. 82 коп. 1 деньга	7 213 руб. 77 коп. 0.5 деньги

Составлено по: РИБ. Т. XXVIII. Стб. 1—116; РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 37921, л. 1—19; д. 37890, л. 1—70; д. 38948, л. 1—119.

* Приведённые в строке итоговые цифры взяты из смет Владимирской четверти 1613/14 и 1616/17 гг.; сложение данных в столбцах ввиду их неполноты дают иные суммы.